

Александрова Т. Л. Приемы школьной риторики в поэме императрицы Евдокии «О св. Киприане» / Т. Л. Александрова // Научный диалог. — 2018. — № 9. — С. 146—155. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-146-155.

Aleksandrova, T. V. (2018). School Rhetoric Techniques in Empress Eudocia's Poem "Martirdom of St. Cyprian". *Nauchnyy dialog*, 9: 146-155. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-146-155. (In Russ.).

УДК 821.14'02:808.51

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-146-155

Приемы школьной риторики в поэме императрицы Евдокии «О св. Киприане»

© Александрова Татьяна Львовна (2018), orcid.org/0000-0002-6963-2263, кандидат филологических наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва, Россия), tatianaaalexandrova@yandex.ru.

Рассматриваются примеры использования школьных приемов риторики (распространенных упражнений, фигур мысли, фигур речи, тропов) в поэме императрицы Евдокии (V в.) «О св. Киприане». Отмечается, что умение свободно пользоваться такого рода приемами лежало в основе античного обучения риторике, считавшейся высшей степенью образования, доступной немногим. Указывается, что между школьными упражнениями (называемыми *progymnasmata*) и самостоятельным творчеством (как в прозе, так и в поэзии) не было непроницаемой грани, поскольку творчество позднеантичных и византийских авторов рождалось именно из школы. Показано, что в поэме Евдокии, представляющей собой парафраз (что само по себе является риторическим упражнением) уже существовавшего жития, вероятно, со значительными добавлениями и с полной заменой слов, можно наблюдать использование экфрасиса, этопеи, антитезы, анафоры, полисиндетона, асиндетона, гипербата, простых и развернутых метафор и т. п.). Подчеркивается, что в этом смысле поэма «О св. Киприане» — типичный образец позднеантичной «ученой» поэзии. Автор делает вывод, что применительно к Евдокии необычным является лишь владение всеми упомянутыми риторическими приемами женщиной, поскольку среди женщин только единицы доходили до этой высшей ступени обучения, особенно в христианской среде.

Ключевые слова: императрица Евдокия; поэма «О св. Киприане»; жанр; риторика; риторический прием; позднеантичная литература; византийская литература.

1. *Progymnasmata* как основа обучения риторике

Обучение риторике в позднеантичной и византийской школе составило высшую ступень. Преподавали ее риторы и софисты, причем первые

давали учащимся теоретические знания (это считалось более низкой ступенью), а вторые занимались с ними типовыми упражнениями, называемыми *progymnasmata* [Cribiore, 2001, p. 57]. В центре образовательной программы стояло подражание литературным образцам [Ibid., p. 225]. Существовали многочисленные пособия по риторике, сборники рекомендаций, как делать те или иные упражнения (таковы сочинение Менандра Ритора «О торжественном красноречии», III—IV вв.; «*Progymnasmata*», приписываемые ритору Гермогену, II—III вв., или одноименное сочинение софиста Николая, V в.), или же подборки самих образцов (например, «Декламации» и «*Progymnasmata*» Либания, IV в. или «*Progymnasmata*» софиста Афтония, IV—V вв.), или же сочетание пояснений и примеров («*Progymnasmata*» Элия Теона, I—II вв.) [Progymnasmata, 2003, p. IX—XVIII]. Те же упражнения, выполненные на более высоком уровне, превращались в самостоятельное творчество. Грань между упражнениями и самостоятельными сочинениями не всегда ясна (как, например, в случае с «Декламациями и речами» Гимерия). Язычники и христиане учились по одним и тем же пособиям, поэтому следы этих упражнений можно найти и у тех, и у других. Они легко опознаются и в образцах ораторского красноречия отцов церкви, и в христианской гимнографии, и в сочинениях христианских поэтов, написанных античными стихотворными размерами. Наиболее искусные поэты применяют их виртуозно, так что школьный прием может быть даже не сразу опознан. Так, в речи Диониса, обращенной к сатиру Ампелосу, неожиданно обыгрываются школьные правила составления энкомия: риторические вопросы о происхождении и родителях характеризуют не столько Ампелоса, сколько самого Диониса. [Kröll, 2014, p. 251—263]. Те же школьные приемы присутствуют и в поэме императрицы Евдокии «О св. Киприане». Считать их приметой авторского стиля Евдокии было бы неправомерно, поскольку они общеупотребительны, рассмотрение этих школьных приемов в ее поэме позволяет выделить в них нечто общее, что составляет специфику как творчества Евдокии, так и позднеантичной поэзии в целом. Хотя некоторые приемы могут быть введены не самой Евдокией, а скопированы ею в процессе переложения прозаического образца, в данном случае для нас важнее, как, в частности из каких структурных элементов делались сочинения, подобные поэме Евдокии, а не кем они создавались [Брагинская, 1981, с. 129].

2. *Progymnasmata* и фигуры мысли

Прежде всего риторическим упражнением является уже сам парафраз [Progymnasmata, 2003, p. 70], а Евдокия перелагает в стихи ранее бытовав-

шее житие св. Киприана, хотя вопрос ее авторского вклада остается дискуссионным, и неизвестно, какими конкретно образцами она пользовалась [Александрова, 2018, с. 295—306]. Однако наиболее сложная и трудоемкая работа состояла именно в пересказе житийного сюжета архаичным языком эпоса, в переводе повествования в совершенно иной лексический пласт (такой вид парафразы Элий Теон называет «заменой», по-видимому, используется также «добавление» и «синтаксический парафраз» [Progymnasmata, 2003, p. 70]).

Одним из излюбленных школьных упражнений был экфрасис — по определению из сочинения, приписываемого ритору Гермогену, «описание, зримо представляющее перед очами изображаемое» [Ibid., p. 86]. Гермоген говорит, что бывает экфрасис лиц, событий, времен, мест и т. п. Разные виды экфрасиса встречаются и у Евдокии. Так, в первой части поэмы «О св. Киприане», которую в науке принято называть *Conversio*, есть краткое описание Антиохии, отсутствующее в прозаической версии, и, следовательно, как бы ни решался вопрос авторства сюжета, — это «добавление», принадлежащее именно Евдокии (Сург. 12*—14*):

Есть там долина, поросшая лавром, — отрада для взоров!

Там кипарисы, деревья могучие, ветви склоняют,

Ключ Касталийский священный серебряной влагою плещет [Евдокия Августа, 2016, с. 100].

Экфрасисом действия можно считать многие описания, встречающиеся в поэме, например, расправу Юсты с домогающим ее Аглаидом (Сург. 1, 8—13):

Он же, в глубинах сердечных питая страсть огневую,

Словно ужаленный оводом, тайно преследовал деву.

Но осенила она его знаменьем сильным Христовым,

Навзничь на землю повергла и била руками, терзая

Лик Аглаида и щеки, пушком покрытые первым,

И, одевья на нем разодрав, предала его на смех [Ibid., с. 103].

Во второй части поэмы, *Confessio*, содержится еще один весьма своеобразный экфрасис — портрет явившегося Киприану бесовского князя (Сург. 2, 232—239):

Видом же сам подобен он был цветку золотому,

В пышном сиянье кудрей. На главе у него красовался

Царский венец, весь усеянный россыпью бисеров ценных.

Свет от него исходил, освещавший всю эту землю.

Были прекрасны одежды его. Повернувшись, он землю

Мощно сотряс и вокруг его трона сошлись щитоносцы,

*Очи потупив свои и сомкнувшись, будто фаланги, —
Молнийным блеском сверкал он, подобно богу Олимпа,
Словно созвездья, мерцая и травы расти заставляя* [Ibid., с. 120].

Пожалуй, еще более распространенным приемом, использованным в поэме, является это п е я . По определению из Гермогена, это «подражание нраву изображаемого лица» [Progymnasmata, 2003, p. 84], то есть вымышленная речь, произнесенная тем или иным персонажем. В поэме «О св. Киприане» при помощи прямой речи передаются высказывания как главных героев, Киприана и Юсты (Иусты, Иустины), так и второстепенных: Аглаиды, матери Юсты, бесов, служителей церкви. Вся вторая часть — Confessio — является одной большой речью Киприана, в которую также вкраплены речи других персонажей. Например, классической это п е ей (в смысле «изображения нрава») является хвастливая речь первого вызванного Киприаном беса (Сург. 1, 31—41):

*Тот же ответил: «Меж ангельских сил был я лучшим когда-то,
Но, своему повинуюсь родителю, бросил Владыку
Вышнего, Бога небес семисводчатых. Чем знаменит я,
Хочешь узнать ты? Так слушай: небес основания чистых
Я злодеяньем потряс, расколов их на две половины.
Я небожителей сонм низринул долу, на землю.
Еву, праматерь людей, обманул когда-то искусно,
И навсегда блаженного рая Адама лишил я.*

Каина руку я сам укреплял, готовя к убийству.
Землю я кровью полил и взрастил на ней терния всходы,
И многотрудную скудость плодов уготовал я людям» и т. д. [Евдокия Августа, 2016, с. 104].

Случайно или намеренно, эта речь производит даже несколько комическое впечатление, поскольку этот бес — один из многих и первым терпит неудачу в попытке справиться с Юстой.

Значительное место в поэме занимают беседы, диалоги, обмен репликами (иногда их называют мел е т а м и [Рабинович, 1985, с. 241]). Таков разговор Киприана с бесом (Сург. 1, 98—109):

*Вновь спросил Киприан: «Так где же она, — отвечай мне! —
Дева, которую я приказал привести, и скорее?»
И супротивник ему: «Все ясно — к чему тут вопросы? —
Знаменье страшное я увидал, не мог с ним тягаться».
Маг усмехнулся в ответ, уверенный в страшном искусстве,
И уж много призвал служителя тьмы, Велиара.
Тот Киприану сказал: «Я знаю, зачем меня звал ты,*

*Знаю и как осрамился предшественник мой. Но родитель
В помощь тебе и беде твоей выслал меня». И волшебник
Молвил, довольный: «Ну что ж? Приступай! Нашей девы жилище
Ядом кругом окропи. А я, за тобою явившись,
Повиновенья добыюсь...» [Евдокия Августа, 2016, с. 106].*

В поэме «О св. Киприане» можно увидеть следы школьных предписаний о составлении еще одного риторического упражнения — энкомия. Рассказу об обращении Юсты предшествует ее «генеалогия» — упоминание родителей, а затем похвала Антиохии (Сург. 1, 9*—11*):

*Дева на свете жила стыдливая, именем Юста,
Был ей Эдесий отцом, а мать Клидонией звали.*

Родиной город великий им был, Антиоха создание... [Там же, с. 100].

Имена родителей Юсты значимы: Эдесий — «стыдливый» и Клидония — «молитвенная» или «предвещающая» — и сами по себе являются похвалой и характеристикой главной героини. Характерно, что имена родителей Киприана не называются, хотя в Confessio он несколько раз упоминает их, говоря, что именно они направили его на путь нечестивого познания.

Написание гимнов тоже было данью школьной риторике. Так, Меландр Ритор дает подробные инструкции, как писать гимны богам. В гимнах Юсты, один из которых уже был рассмотрен в связи с предполагаемым влиянием Нонна, совмещаются черты «призывательных», «генеалогических», «мифологических» и «физических» гимнов [Рубцова, 1991, с. 169], — с тем существенным отличием, что гимны эти — христианские. Вот первый из них (Сург. 1, 112—131):

*Ночью глубокой, покинувши ложе, к Тебе я взываю,
И прегрешенья свои Тебе исповедую, Славный,
На милосердьи Твое и на правый Твой суд уповаю.
Ты, о Податель щедрот, — Хранитель земных поколений,
Высей эфирных Законоположник и неба Правитель,
Вся пред Тобою трепещет земля. Ты праведным гневом
Боготпротивных низверг. Авраама-родителя жертву
Ты благосклонно приял, всеожженья великого в славу,
Вила низринул и змия ужасного смерти Ты предал.
И чрез служителя Ты Своего, Даниила-пророка,
Персов народу открыл природы божественной тайну;
Ты чрез любимого Сына, Христа, все в мире устроил,
Благоукрасил и светоч небес вознес над землею.
Ты и умерших на свет извел из недр преисподней.*

*Я умоляю, Властитель: спаси же меня от напастей,
Тело мое соблюди, о Властитель, вовек непорочным,
Девства лампаду мою сохрани, чтоб вечно горела,
Дабы узреть Жениха и войти мне в чертог Его брачный,
Дабы исполнить обеты, какие Христу принесла я,
Ибо Ему подобает и слава, и честь, и держава* [Евдокия Августа, 2016, с. 106—107].

В этом гимне раскрываются свойства Бога, обрисовывается история Его откровений человеческому роду сначала через пророков, затем — через пришествие в мир Сына Божия; раскрывается роль Христа как Спасителя человечества и после этого органично следует личная просьба Юсты, которая просит не о земных благах, а о возможности беспрепятственного соединения со Христом.

В христианской литературе (и в гимнографии, и в торжественном красноречии) излюбленным приемом была антитеза. Есть эта фигура и у Евдокии. Например, противопоставление «дева — демон», присутствующее уже в 24-м слове Григория Богослова, которое, возможно, явилось первоначальным образцом для работы Евдокии [Александрова, 2018, с. 299—300], несколько разворачивается:

*И как он ни пугал страхованьями злыми,
К деве ворваться не смог, сокрушив дверные затворы,
Он, похвалявшийся властью над всем, пред девой склонился
Землю стремившийся перевернуть — жене подчинился
С сердцем коварным, над девой не смог одержать он победу,
Хоть и надеялся льва плотоядного вызвать на помощь
Чтобы весь мир утрашить, — но сам в преддверье остался,
Всем на посмешище, будто комар* (Сург. 2, 289—296) [Евдокия Августа, 2016, с. 122].

В сущности на антитезе, противопоставлении христианки Юсты колдуну Киприану, силы Христовой бессилию бесов, веры языческой мудрости, держится и весь сюжет поэмы.

3. Фигуры речи и тропы

В отличие от фигур мысли, относительно авторства которых можно усомниться, фигуры речи определенно принадлежат самой Евдокии. События в гекзаметре многие из них для нее (да и не только), по-видимому, было сложновато, однако наиболее простые из них — анафора, полисиндетон, асиндетон — встречаются нередко. Например, очень распространена анафора:

*οὐδέ τί με χθονίων πρῆξις λάθειν ἠερίων τε
οὐ φάσμα πολύτροπον, οὐ κρύφιος νοῦς,
οὐ δολοίεις οὐδ' αὖ πολυμέμερος οὐδέ τεχνῆεις* (Сург. 2, 78—79)
*(Не было более тайн для меня ни земных, ни небесных,
Ни преисподних, ни внешних прикрас, ни неведомой глубины,
Ни изоцранных искусств, ни наук, для меня недоступных)* [Евдокия
Августа, 2016, с. 115].

Полисиндетон также встречается довольно часто:

*καὶ μύθων ὀάρους καὶ ἀριθμοῦς αὐτ' ἐπέων γε·
καὶ σαρκὸς ὀρατοῦς γε πόνους,* (Сург. 2, 73—74)

*(Пение слов изучил и ритм стихотворных размеров
Зримые плоти мученья, устои вечной природы)* [Там же].

Знание этого приема позволяет Евдокии упрощать задачу стихосложения, поддерживая ритм односложными союзами:

*ψήφους τε γραφίδας τε χαρακτῆρας δέ τε κόσμους
γραιώδεις μύθους τε* (Сург. 2, 61—62)

*(Камни видал расписные и знаки тайные мира,
— Бабкины сказки то были)* [Там же, с. 106—107].

Нередко встречается и асиндетон:

*μνημοσύνη, τάρβος, τέχνη δολερή, ποδὸς ἔχνη
κρουπαδίη λήθη πολέων καὶ παίγματα δήμων* (Сург. 2, 95—96)

*(Память иль страх ими правят, искусство ль обмана; где след их,
Как покрывают забвеньем они забавы народов)* [Там же, с. 116].

Порой обе фигуры, асиндетон и полисиндетон, соседствуют и плавно переходят один в другой; пространных пассажей с использованием только одного из них у Евдокии не встречается.

Об использовании гипербата (дистантной инверсии), который для античной поэзии является обязательным приемом, пожалуй, даже излишне распространенным, можно только сказать, что у Евдокии встречаются вполне прозрачные пассажи, где этот прием неплохо организует синтаксическую структуру:

*αὐτὰρ ὁ χωόμενος **κακοεργέα** λίσσεται φῶτα
δυσσεβέος μαγίης **ὑποθήμονα**, Κυπριανόν γε,
καὶ οἱ ὑποσχόμενος **δοιὰ** χρυσοῖο **τάλαντα*** (Сург. 1, 16—18)

*(Он же, разгневавшись люто, явился в гости к злодею,
Страшному мужу-волхву, — Киприан тому было имя.
Золота чистого два обещал ему выдать таланта)* [Там же, с. 104].

Разумеется, использует Евдокия обычный арсенал тропов: метафоры (*ἀργύρεαι ραθάμιγγες* — «серебряные капли» — Сург. 14*; *βέλος*

θεοφοροσύνης — «стрела богомыслия» — Сург. 37*; *σιγαλή νύξ* — «молчаливая ночь» — Сург. 64*), порой переходящие в катахрезы (*λευκὸν πένθος* — «белое страдание» — Сург. 2, 19); развернутые метафоры (например, образ «слепой ненависти»):

*μίσους δ' αὖ ἔσιδον μορφὴν στυγερὴν, ἀλαοπλήν·
ἔς δ' ὄπιθεν κορυφῆς γλήνας πίσυράς κεν ἔχεσκε
φενούσας φάεος περιλαμπέος ἀγλαὸν ὄμμα* (Сург. 2, 128—130)

(Ненависть лютую я увидал, шальную, слепую.

Сзади она, на затылке, четыре глаза имела,

Ясного света лучей боящихся, взгляда прямого) [Там же, с. 117].

4. Заключение

В целом использование риторических фигур в поэмах Евдокии довольно простое, чуждое того искусного обыгрывания их, какое наблюдается у Нонна. Независимо от того, ввела ли эти приемы в поэтический текст сама Евдокия или они уже присутствовали в образцах, которыми она пользовалась, наличие их весьма характерно для поэтического языка всей эпохи. Такие приемы с большим или меньшим искусством использовали все античные поэты, причем как пишущие классическими античными размерами, так и христианские поэты-гимнографы. Хотя применение этих фигур не может подтвердить авторство Евдокии для всех текстов, понятно, что все употребленные приемы были ей знакомы и при надобности она могла их применять сама. На примере сочинений Евдокии (или не только Евдокии) можно наглядно увидеть, как школьные приемы риторического обучения в античной школе применяются к новому материалу, с которым работают христианские авторы. На развитие умения пользоваться этими приемами и создавать такого рода тексты, как в прозе, так и в стихах, и была направлена вся система обучения. Кроме того, наличие такого рода школьных приемов в тексте подтверждает, что Евдокия прошла полный курс риторики, что для женщины было большой редкостью, а для женщины-христианки — вдвойне.

Сокращения

Сург. — Eudocia Augusta. Martyrium sancti Сургиани (цит. по:

1) *Bevegni C. Eudociae Augustae Martyrium S. Сургиани I 1—99 // Prometheus*, 1982. — Рр. 249—262 (номера стихов со значком *).

2) *Eudociae Augustae, Procli Lycii, Claudiani carminum graecorum reliquiae / Ed. A. Ludwich. — Leipzig, 1897. — S. 11—79).*

Progymn. — Progymnasmata.

Источник

1. *Евдокия Августа*. О св. Киприане / Евдокия Августа ; вступ. ст. и пер. Т. Л. Александровой // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3. Выпуск 2 (47). — 2016. — С. 93—133.

Литература

1. *Александрова Т. Л.* Византийская императрица Афинаида-Евдокия : жизнь и творчество в контексте эпохи правления императора Феодосия II (401—450) / Т. Л. Александрова. — Санкт-Петербург : Алетей, 2018. — 416 с.

2. *Брагинская Н. В.* Генезис «Картин» Филострата Старшего / Н. В. Брагинская // Структура текста — 81 : тезисы симпозиума. — Москва : Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1981. — С. 129—133.

3. *Рабинович Е. Г.* «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата / Е. Г. Рабинович // Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. — Москва : Наука, 1985. — С. 217—277.

4. *Рубцова Н. В.* Менандр Лаодикейский и его сочинение «О торжественном красноречии» / Н. В. Рубцова // Античная поэтика. — Москва: Наука, 1991. — С. 158—181.

5. *Cribiore R.* Gymnastics of the mind. Greek education in Hellenistic and Roman Egypt / R. Cribiore. — Princeton — Oxford : Princeton University Press, 2001. — 270 p.

6. *Kröll N.* Rhetorical elements in the Ampelius episode : Dionysos' speech to Ampelos (Nonn. Dion. 10, 196—216) / N. Kröll // Nonnus of Panopolis in context. Poetry and cultural milieu in late antiquity with a section on Nonnus and the Modern World / ed. K. Spanoudakis. — Berlin — Boston : Walter de Gruyter, 2014. — Pp. 251—263.

7. *Progymnasmata.* Greek Textbooks of Prose Composition and Rhetorics / ed. G. A. Kennedy. — Atlanta : Society of Biblical Literature, 2003. — XVIII+249 p.

School Rhetoric Techniques in Empress Eudocia's Poem "Martyrdom of St. Cyprian"

© **Aleksandrova Tatyana Lvovna (2018)**, orcid.org/0000-0002-6963-2263, PhD in Philology, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities (Moscow, Russia), tatianaalexandrova@yandex.ru.

Examples of use of school rhetoric techniques (common exercises, figures of thought, figures of speech, tropes) in the poem of Empress Eudocia (V century) "Martyrdom of St. Cyprian" are considered. It is taken into account that the ability to freely use this kind of techniques was the basis of the ancient teaching of rhetoric, which was considered the highest level of education available to a few. It is reported that between school exercises (called progymnasmata) and independent creativity (both in prose and poetry) there was no impenetrable boundary, since the work of late antique and Byzantine authors

was born from school. Eudocia's poem is characterized as a paraphrase (which in itself is a rhetorical exercise) of an already existing life, probably with significant additions and complete replacement of words. It is shown that it is possible to observe the use of ekphrasis in the poem, sermocinatio, antithesis, anaphora, polysyndeton, asyndeton, hyperbola, simple and extended metaphors, etc.). It is proved that in this sense the poem "Martyrdom of St. Cyprian" is a typical example of late antique "scientific" poetry. The author of the article notes that in the case of Eudocia it is unusual only that all the above-mentioned rhetorical techniques are owned by a woman, since only a few women reached this higher level of education, especially in the Christian environment.

Key words: Empress Eudocia; poem "Martyrdom of St. Cyprian"; genre; rhetoric; rhetorical technique; late antique literature; Byzantine literature.

Material resources

Evdokiya Avgusta (2016). O sv. Kipriane. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, 3 / 2 (47): 93—133. (In Russ.).

References

- Aleksandrova, T. L. (2018). *Vizantiyskaya imperatritsa Afinaida-Evdokiya: zhizn' i tvorchestvo v kontekste epokhi pravleniya imperatora Feodosiya II (401—450)*. Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).
- Braginskaya, N. V. (1981). Genezis «Kartin» Filostrata Ctarshego. In: *Struktura teksta — 81: tezisy simpoziuma*. Moskva: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki AN SSSR. 129—133. (In Russ.).
- Cribiore, R. (2001). *Gymnastics of the mind. Greek education in Hellenistic and Roman Egypt*. Princeton — Oxford : Princeton University Press.
- Kennedy, G. A. (ed.) (2003). *Progymnasmata. Greek Textbooks of Prose Composition and Rhetorics*. Atlanta: Society of Biblical Literature.
- Kröll, N. (2014). Rhetorical elements in the Ampelius episode: Dionysos' speech to Ampelos (Nonn. Dion. 10, 196—216). In: Spanoudakis, K. (ed.) *Nonnus of Panopolis in context. Poetry and cultural milieu in late antiquity with a section on Nonnus and the Modern World*. Berlin — Boston: Walter de Gruyter. 251—263.
- Rabinovich, E. G. (1985). «Zhizn' Apolloniya Tianskogo» Flaviya Filostrata. In: *Flavij Filostrat. Zhizn' Apolloniya Tianskogo*. Moskva: Nauka. 217—277. (In Russ.).
- Rubtsova, N. V. (1991). Menandr Laodikeyskiy i ego sochineniye «O torzhestvennom krasnorechii». In: *Antichnaya poetika*. Moskva: Nauka. 158—181. (In Russ.).